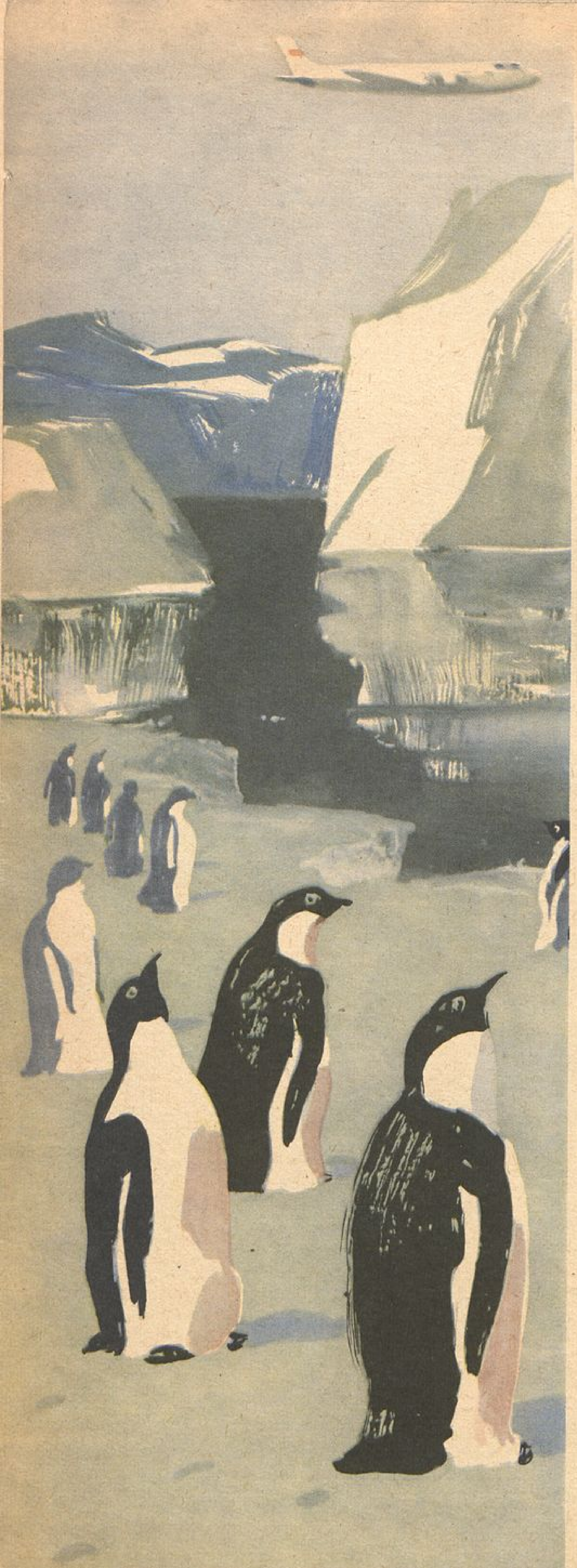
п-63-2748; I N1-12(12)
XX 63/11

МУРЗИЛКА

№ 12 ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ДЕКАБРЬ 1962



ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Юрий КАЧАЕВ *Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА*

Далеко-далеко, за многими морями и землями, лежит Южный полюс. Мы говорим: южное растение, южный город... Мы знаем: юг — это тепло. В южные страны улетают зимовать птицы. У Южного полюса, в Антарктиде, должны расти пальмы и бушевать тропические ливни. Но там бушуют не ливни, а ураганные снежные ветры. Там растут не пальмы, а только мхи и лишайники. Там землю сковали вечные льды толщиною в два километра.

В прошлом году наш дизель-электроход пришёл к берегам Антарктиды, в бухту Депо. Войти в бухту было трудно, потому что кругом плавали и зеленовато светились огромные айсберги. Всё же нам удалось подойти к берегу. Вернее, это был не берег, а длинный ледяной припай.

Бросили мы ледяной якорь и вдруг видим: бежит к кораблю целая толпа забавных маленьких человечков. Бегут они чудно — оттолкнутся лапами и едут по гладкому льду, как на коньках. А сами пузатенькие, неуклюжие и в чёрных костюмчиках с белыми жилетками. Подбежали они к якорю, толкаются, галдят. Очень уж им удивительно видеть корабль. А потом один совсем расхрабрился и давай карабкаться по якорной цепи. Идёт, шатается и всё вниз глядит: высоко ли, мол, если сорвусь? Постоял наш гость на середине цепи, а потом в воду вниз головой. Я уж после узнал, что пингвины в море всегда вниз головой прыгают.

Вообще они славные ребята и очень баловаться любят. Лежит, к примеру, тюлень на льдине. Сонный, ленивый, двигаться ему неохота. А пингвины тут как тут и начинают его дразнить. Разбегутся, клюнут его и удирать. До того бедного засоню доведут, что хоть в голос плачь.

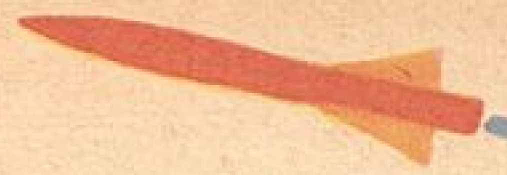
А ещё у пингвинов есть «детский сад». Маленький пингвинёнок совсем беспомощный и не отходит от родителей: боится замёрзнуть или с голоду помереть. Но через полтора месяца у него вырастает густой серый пух, и тогда птенцы собираются вместе. Это и есть «детский сад». Вместе они играют, вместе спят в морозы. И есть у них своя дежурная нянька. Нянька за птенцами присматривает, чтобы они глупостей не наделали.

Пингвины добрый и весёлый народ. Только они почему-то не любят, когда свистишь. Тогда они сразу начинают драться между собой, думают, что это кто-то из них свистнул.

Едят пингвины почти одну рыбу. Конечно, это не очень-то вкусно — всю жизнь есть одну рыбу, но они, наверно, привыкли. А самое интересное, чем они кормят птенцов. Я узнал об этом, когда мы уже уезжали. Они кормят их... молоком. У пингвинов есть такие железки, которые жир в молоко перерабатывают. Молоко это очень густое и похоже на сметану.

Много на свете чудес. В детстве, когда я отказывался от каши, бабушка моя говорила: «Может, тебе, привереде, птичьего молока подать?»

А птичье молоко-то, оказывается, есть.



Я ТОЖЕ К ЗВЁЗДАМ ПОЛЕЧУ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
С. С. С. Р.
имени
В. И. ЛЕНИНА
1962 г.
П-63-2748

И. ХОЛИН
Рис. В. ЧИЖИКОВА

Как хорошо,
Друзья, шагать
По тропке
С рюкзаком.

Чудесно по полю
Скакать
На лошади
Верхом.

Приятно также
Сесть
В экспресс.
Мелькнёт в окошке
Луг
И лес.

Скользить неплохо
По волнам
На глиссере
Морском.

Но лучше
Мчаться в небесах
На лайнере
Стальном.

Пусть это «ИЛ»,
Пусть это «ТУ».
Я их люблю
За быстроту.

Но вот
Другие корабли
Открыли путь
Вокруг Земли.

— Послушай, —
Я кричу, —
Пилот,
Возьми меня
С собой в полёт!

Хоть на Луну,
Хоть на звезду.
Не бойся,
Я не подведу.

БУДУЩИЕ КОСМОНАВТЫ

Двор у нас
Не двор, а школа.
Ни хоккея,
Ни футбола.
Школа
Интересная,
Школа
Небесная.

Лёвка
Проходит
Спецподготовку.
Он
К скамейке привязан
И весь день
Сидеть обязан.

Славка
Кружится на стуле.
А на нём,
Как шлем,
Кастрюля.

Я залез
На вяз —
Повис
Головой
Вниз.

Лёшка
Крикнул мне в окошко:
— Что за новости?
Я ответил:
— Привыкаю
к невесомости.

ЗВЁЗДНЫЙ ЭКСПРЕСС

Кто проник
В глубь небес?
Наш
Космический
Экспресс!

К звёздам
Кто его ведёт?
Наш
Космический
Пилот.

А с Земли
С кораблём
Говорит
Космодром.

У врачей
Одна забота:
Как здоровье
У пилота.

Повара кричат:
— Дружище!
Хороша ли наша
Пища?

А пилот
Здоров
И сыт.
Он сейчас,
Ребята,
Спит.

ПРО ОДНОГО БЕДНЯГУ

К. КИРШИНА *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

У нас во дворе полно малышей. Они любят, когда с ними играет Наташа. Наташе хорошо, она уже пионерка первой «ступени». Их в отряде всему учат. А что я? Я пока октябрёнок. Но когда Наташа в школе или ещё где-нибудь, приходится отдуваться мне. Наверное, потому, что я её брат.

Малыши глядят на меня и ждут: что будет дальше? Это по их глазам видно.

А что будет? Всякое у нас во дворе бывает.

Вот привезли нам качалки-промокашки. Ух, как налетели на них ребята! Будто сроду не видали. Я бы и сам налетел, да удержался. «Пускай, — думаю, — по крайней мере занимать никого не надо. Сами займутся».

Вдруг у третьего подъезда затеялась драка. И начал-то кто! Валентин, «мороженщик»! Его так прозвали, потому что всегда он сидел в сторонке, брикетики лепил из песка. Никакого от него беспокойства. А тут взъерошился, ноздри раздул, обеими руками в Колькину рубашку вцепился. Колька одну ногу в качалку закинул, другой на земле стоит, чуть не падает. А Валентин тянет его изо всех сил и кричит:

— Не твоя качалка! Уходи к своему подъезду! Не твоя качалка!

— А твоя, что ли? — отбивается Колька. — Твоя, да?

— А вот и моя! Раз у нашей двери, значит моя!

Шум вокруг поднялся.

— Хозяин какой выискался! — возмущаются ребята. — Ему одному шефы к двери поставили!

Стал и я Валентина стыдить, руки его

от Колькиной рубахи отдирать. А он ногами брыкается.

— Ты, — кричит, — тоже не в нашем подъезде живёшь, твоё какое дело!

Хорошо ещё, что квартира была у них на замке. Мать куда-то ушла, а то прибежала бы, подумала бы, что я бью её сыночка.

Держу я Валентина за руки, не знаю, что делать. Так бы и наподдал, да ведь заревёт на весь двор. А ребята, которые нас окружили, потянулись куда-то в сторону. Смотрю, это они к моей Наташе. Она стоит у газона, сумку с книгами на землю бросила, руками всплёскивает и приговаривает:

— Ах, что нам привезли! Ах, новые качалки! Ах, какие жёлтенькие! Даже внутри жёлтенькие, куда ногами вставать! Тоня, Юрик, садитесь, я вас покачаю.

Посадила Наташа самых маленьких, стала качать. Качает и поёт:

Вот в качалке-промокашке
Антонина и Юрашка!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— Не-ет! — кричат они и хохочут, за борта держатся, будто в лодке на волнах.

А Наташа уже других сажает и опять поёт:

А сейчас, а сейчас
Сядут Костик и Тарас!
Раз-два, раз-два,
Не кружится голова?

— И про меня спой! И про меня! — просят малыши. Все собрались у той качалки, прыгают, радуются. Каждый ждёт своей очереди, своей песенки.

Бросил я Вальку и тоже пошёл к ним. А пока шёл, и у меня в голове песенка сочинилась. И я сказал Наташе на ухо:

— Спой ещё вон про него. Знаешь как? Вот так:

А жадюга Валентин
Пусть качается один!

— Тсс! — зашипела на меня Наташа и закрыла мне рот ладошкой. — Тсс! Не надо так.

Поглядела она, как Валентин у третьего подъезда трудится, сам себя раскачивает — аж покраснел весь, — помолчала немножко, тряхнула косами и спела жалостливым голосом:

Ах, бедняга Валентин!
Он качается один!

И тут он ка-ак заревёт! На весь двор! И мать сразу прибежала. Смотрит. А кого ругать, и не знает. Никто её сыночка не бил, никто даже не ругал. Целую качалку один захватил и ревёт.

Чудно! Неужели слово «бедняга» такое обидное? А я и не знал.

В НОЧНОЕ

С. АНТОНОВ *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

Кокушкинские ребята взять Володю с собой в ночное отказались...

— Нет, Володя, не просись лучше... — говорил Гриша, ударяя ивовым прутиком по пыльной дороге.

Другие молчали, видно соглашались с Гришей. Молчал и Федя, особенно, как казалось Володе, дороживший дружбой с ним.

— Не можем... И не просись... — повторил Гриша и увёл ребят.

Они шли к себе домой стайкой, в старых картузах, домотканых рубашках без поясов, в длинных, обтрёпанных внизу штанах, босые, с цыпками на ногах. А Володя, вместо того чтобы повернуть к себе, к дому на высоком берегу Ушни, стоял и смотрел им вслед.

Они вместе играли в бабки, ловили рыбу, катались на лодке, бегали наперегонки... Дружили... А вот взять в ночное отказались...

«Почему? — думал Володя. — Не хотят отвечать за чужого?»

Никто из семьи Ульяновых не был чужим крестьянам Кокушкина. Володя чувствовал это. Почти ежедневно он наблюдал, с каким завидным почтением относились крестьяне к отцу и матери. Конечно, уважение надо заслужить.

«Решили, что я испугаюсь ночи, что со мною что-нибудь случится... Побегу от страха, и меня зубастый волк унесёт в тёмный лес...» — упрямо сощурился Володя, улыбнулся.

После ужина, когда совсем стемнело, он тихонько вышел на улицу.

Вот и остались позади старый дом и флигель, сад и заборы. Где-то далеко — луг с ребятами, лошадьми, сказками и страшными рассказами о леших и водяных, с чем-то ещё неизвестным ему и таким интересным.

Было свежо и тихо. Кусты по сторонам казались то человеком в огромной папахе и с растопыренными в разные стороны руками, то медведем, вставшим на задние лапы, который вот-вот бросится, то таким страшилищем, которого и в сказке не найдёшь.

Одиноко здесь всё-таки, среди ночных лугов, лесов и оврагов.

Володя понял, что он боится немного. Сами по себе замедлились шаги.

А куст, похожий на разбойника в папахе, вдруг взмахнул веткой-рукой: мол, иди, иди! Сейчас я тебе покажу! А вот за тем кустом, если присмотреться, прячутся двое... Конечно, лихие люди, кому жизнь человека ни в грош... Людей там, ясное дело, никаких нет, а вот думаешь... Совсем неподалёку, в соседнем лесу, у ключа в ложбине, грабителями был убит лесник. До сих пор стояли там два деревца, к которым убийцы привязали свою жертву. Деревья засохли. Когда? Почему? Может быть, с горя?

Дети семьи Ульяновых часто отправлялись в этот лес на прогулку. Володя бегал к страшному ключу за водой и не испытывал страха. А сейчас хотя и не так уж страшно, но всё-таки...

А впереди на десятки вёрст густой кустарник, леса, овраги и темнота.

Было бы не так неприятно и не так страшно, если бы не эта тишина: будто всё вымерло и никому нет до тебя дела.

Впереди, за кустами, он увидел большое тёмное пятно. На нём поблескивала какая-то точка. От пятна отделилось другое. Подвода... и человек рядом! Володя вздохнул облегчённо. Он уже слышал, как фыркала лошадь. Но что это поблёскивает? Володя увидел колесо, лежавшее на телеге, дегтярницу, висевшую сзади... Ага! Это она блестит. Стало видно, что человек поправляет жердь, прилаженную вместо заднего правого колеса...

— Эй, милый! — крикнул он Володе.

Володя подбежал к телеге.

— Подсоби, родной... — попросил человек и, вдруг рассмотрев Володю, удивился. — Ульянова сын?! Владимир, что ль?

— Владимир...

Володя не знал, кто именно говорит с ним. Мужик был не из кокушкинских, наверное, из какой-нибудь соседней деревни. Может, будь немного светлее, Володя и узнал бы его.

— А я не узнаю вас, — признался Володя. — Не знаю, как звать.

— Да я тебя ещё вот такого помню, — мужик нагнулся и поднёс ладонь с толстыми загрубевшими пальцами чуть не к самой земле. — Матвеем меня зовут. Твой дед, царствие ему небесное, от болезни живота спасал... И не раз...

— Теперь я уж не забуду. Что у вас случилось?

— Телега древняя... Не вынесла, когда с горки съезжал... Вот и бьюсь. Подойди, Владимир! Я телегу приподниму, а ты, сынок, эту жердину поставь на место... Сумеешь? Дай-ка руку.

Матвей, бородатый могучий человек лет сорока пяти, взял Володину руку в свою и сунул её под телегу.

— Вот конец жердины. Чуешь? — спросил мужик, помогая Володе ощупать жердь.

— Чую... — с удовольствием повторил Володя ёмкое короткое слово. — Чую.

— Вот тут верёвкой я её прихватил, как мог крепче... Чуешь?

— Чую, чую, Матвей!

— Жердина не оторвётся. Но в сторону свихнуться может, если конец не заправить вот сюда, — и Матвей показал Володе, куда именно нужно заправить конец жерди. — Чуешь?

— Чую, Матвей!

— Ну вот. Теперь я телегу приподниму, а ты действуй.

Матвей поплевал на руки, потёр их и, сказав: «Раз-два! Взяли!» — легко поднял задок телеги.

Володя навалился руками на конец жерди и сказал:

— Есть, Матвей! Отпускайте!

Матвей отпустил и, проверив, всё ли так, одобрил:

— Чок в чок! Теперь и закурить можно.

Он закурил, несколько раз ударив кресалом о кремень, пока не задымился трут, и спросил:

— А ты куда держишь путь, Владимир? Ночь на дворе!

Матвей говорил это весело, одобрительно, видно любя беспокойных людей, которые не ложатся спать с петухами.

— Гуляешь, что ль? Гулять-то есть чего ради: вечером всё другое, не то что днём. И рано утром всё другое. Вот и получается, что как бы три раза жизнь живёшь. Так куда же навострился, Владимир?

— Я в ночное иду, к ребятам...

— О-о! Хорошо, — одобрил Матвей. — Любил я ночное... До сих пор всё помню, а что было потом, многое забыл... Ну что ж, садись, подвезу.

— Спасибо, я пешком, — отказался Володя.

— Да тебе куда? Кокушкинские обычно за этими оврагами лошадей пасут... Тебе туда?

— Туда, Матвей. Чок в чок!

Матвей улыбнулся.

— «Чок в чок». Ну, а мне крюк небольшой. Сверну и доставлю тебя к ребятам. Садись! Садись! В компании всегда веселей.

— В компании веселей, — подтвердил Володя, — но я пойду пешком.

— Что так? — Матвей в недоумении развёл руками. — Одолжаться не хочешь? Так я тебя свезу за твою работу, всё равно теперь у тебя в долгу. Поехали!

— Спасибо. Рад был освободить вас от тягот, но я должен идти — и один.

Матвей только и воскликнул в удивлении:

— О-о!

Тогда Володя рассказал ему, как ребята отказались взять его с собой в ночное и как он решил прийти туда ночью один.

Матвей молча потрепал мальчика тяжёлой большой рукой по плечу, явно одобряя его. Потом он сел на телегу и, тронув вожжи, молча же уехал.

Володя снова остался один.

Справа — кусты, слева — кусты и берёзы. Впереди — овраги и лесок. И всё это — в густой, пугающей темноте.

Володя подождал, пока постепенно затих стук колёс, пофыркивание гнедой, и тронулся дальше.

Ребята лежали у костра на зипунах. Неподалёку, стреноженные, бродили кони, сонливо брякая колокольцами.

Если посмотреть на костёр, а потом на небо, то звёзд сначала не увидишь. И вокруг костра, когда глядишь на небо с земли, звёзд тоже не было. Гриша отвернулся от огня и воскликнул:

— Глянь-ка!

Он долго никак не мог понять, что это за фигура направляется к ним.

— Володя! — наконец узнал он с радостью. — Один? Сам?

— Один. Сам, — ответил Володя.

МАРУСИ и гуси

Рис. А. БРЕЯ

Сергей БАРАНОВ

Шли над речкой три Маруси,
Им навстречу — злые гуси.

Подошёл гусак
и вдруг
Зашипел на трёх подруг.

Но бесстрашный мальчик Гриша
Крики девочек услышал,
Прибежал издалека,
Отогнал он гусака.

Разбежались злые гуси,
Рассмеялись три Маруси.

НЕНАДЁЖНЫЙ ДРУГ

М. МАЛИШЕВСКИЙ

— Давай дружить! — предложила Собачка Кошке.

— Ты же дружишь с Курицей?

— Я с ней поссорюсь!

— Если ты так легко можешь поссориться с Курицей, то уж наверняка поссоришься и со мной! — сказала Кошка.

И не стала дружить с Собачкой.

Ваня в горнице

Ходил Ваня по горнице — никогда не вытирал ноги.

Взял на себя уборку — стал ходить на цыпочках.

Загадочный зверь

Н. СЛАДКОВ

Кошка любит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

И слышу вдруг голосок:

— Угадай, кто я? А ем я жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

— Ага! Ты птица осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверное, лесная мышь.

— И вовсе не мышь. Я сама ем мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— То мышка, то кошка! И опять ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц и рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки деревьев, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего ты свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку.

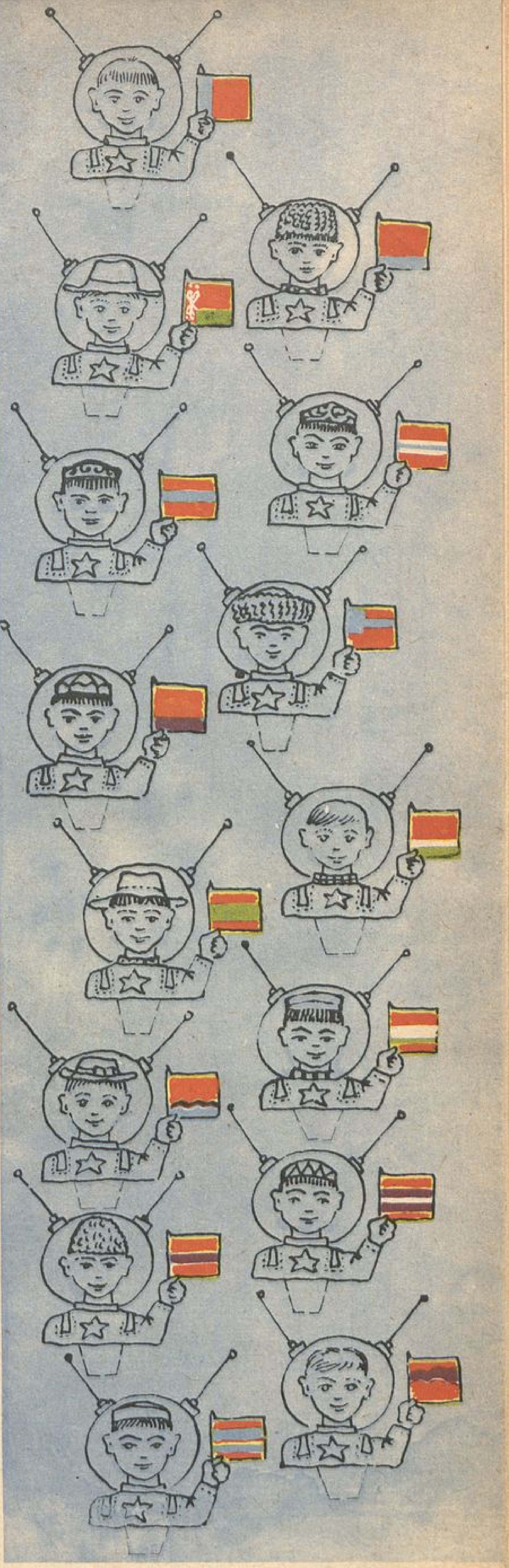
— Сдаёшься? — спросил голосок.

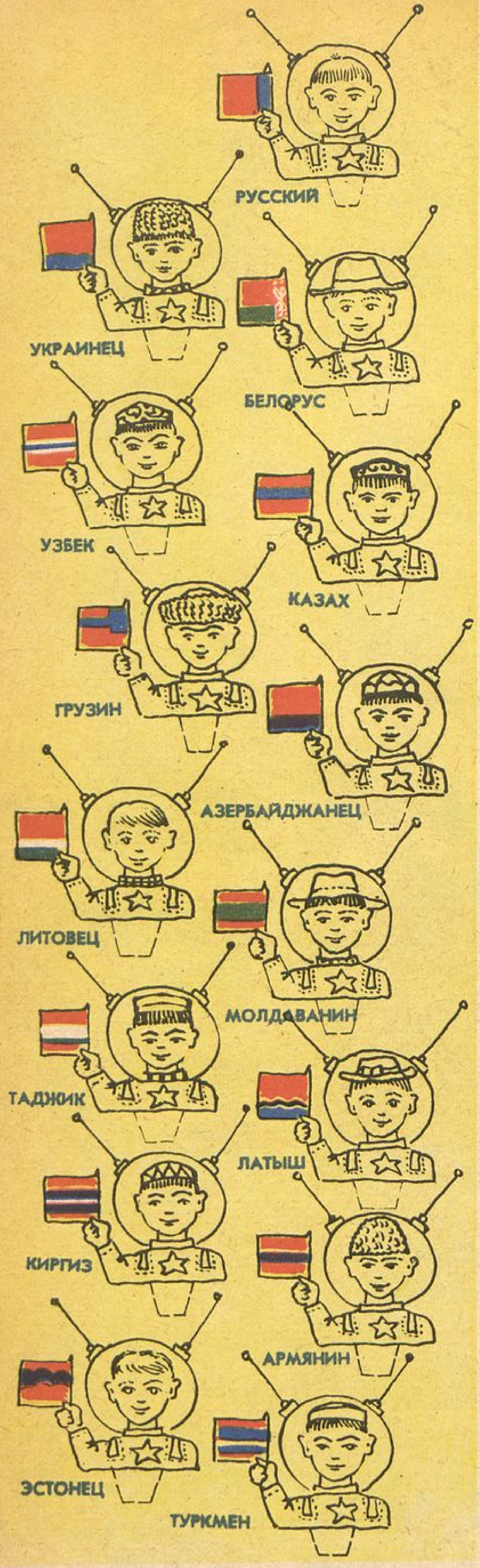
Ветки раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

Ветки качнулись, и белка исчезла. Кончилась сказка. Но осталась быль. Быль про то, что едят белки в лесу.

Линия отреза





Линия отреза

ПРАЗДНИК ВСЕХ НАРОДОВ

Наша страна большая. В ней живут разные народы: русские, украинцы, казахи, латыши... Все народы дружат между собой, помогают друг другу. И праздники у них общие.

Перед самым Новым годом, 30 декабря, будет у всех радостный праздник — сорокалетие образования СССР — Союза Советских Социалистических Республик.

Ты хотя и маленький, но тоже примешь в нём участие. Сделай к этому дню ёлочную игрушку «Полёт пятнадцати космонавтов на Луну».

Не спеши вырезать ракету. Прежде открой страницу 14 и перерисуй или переведи на плотную бумагу Солнце, Луну и планеты. Раскрась их и вырежи. Теперь делай ракету. Начинай с носовой части. Аккуратно вырежи её, загни зубчики внутрь и склей. К зубчикам приклей дно. Через середину донышка продень нитку.

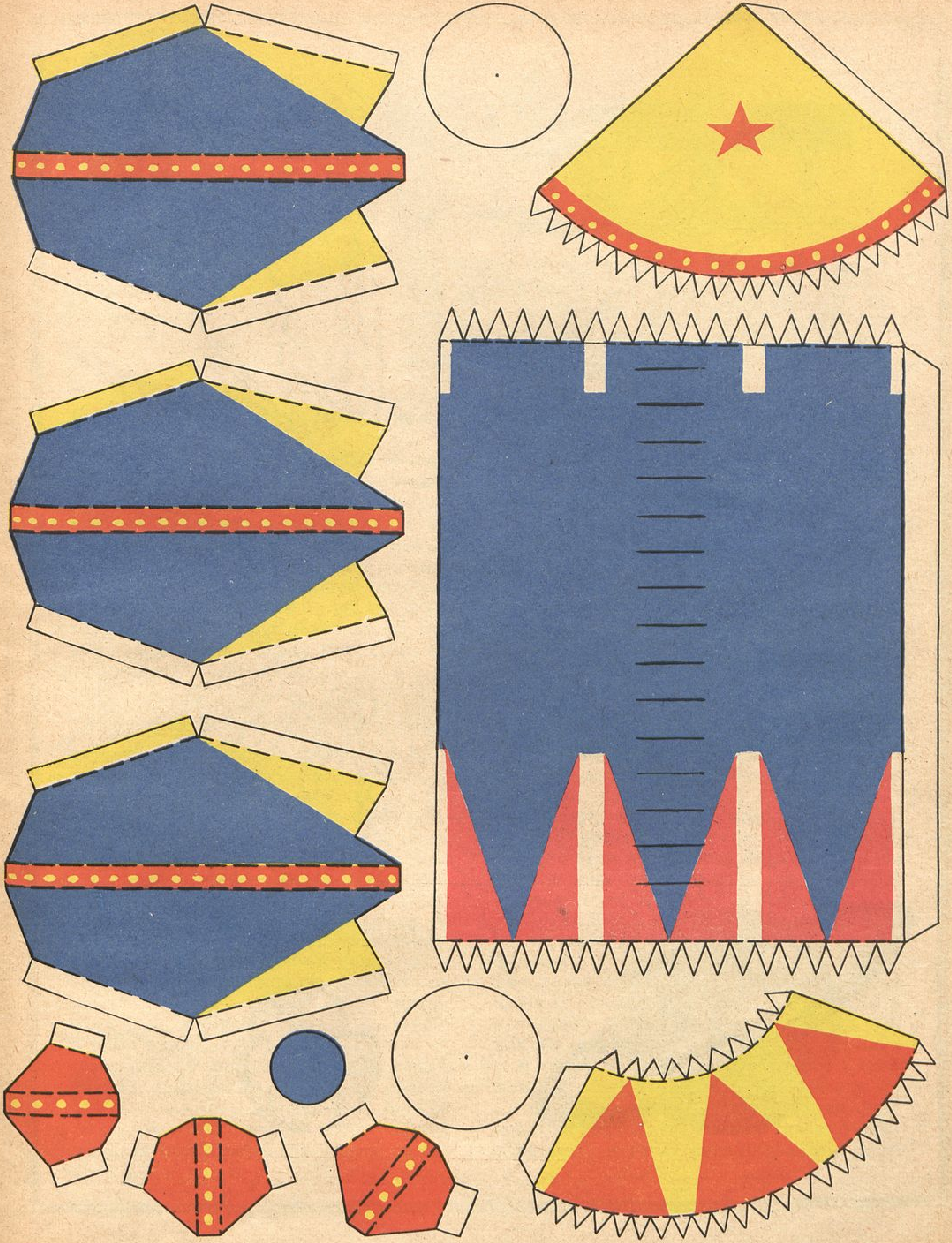
Точно так же склеиваются и соединяются между собой основная и хвостовая части ракеты.

В средней, основной, части будут сидеть космонавты из 15 союзных республик. Им надо приготовить места — сделать прорезы по чёрным линиям.

Корпус ракеты готов. Приклей большие и малые крылья.

Вырежи космонавтов и посади их на места.

Развесь на ёлке Солнце и планеты. Рядом с ёлкой на стенке хорошенько укрепи Луну и присоедини к ней, как показано на рисунке, нитку от ракеты. Потяни за нитку. Ракета с космонавтами полетит к Луне.



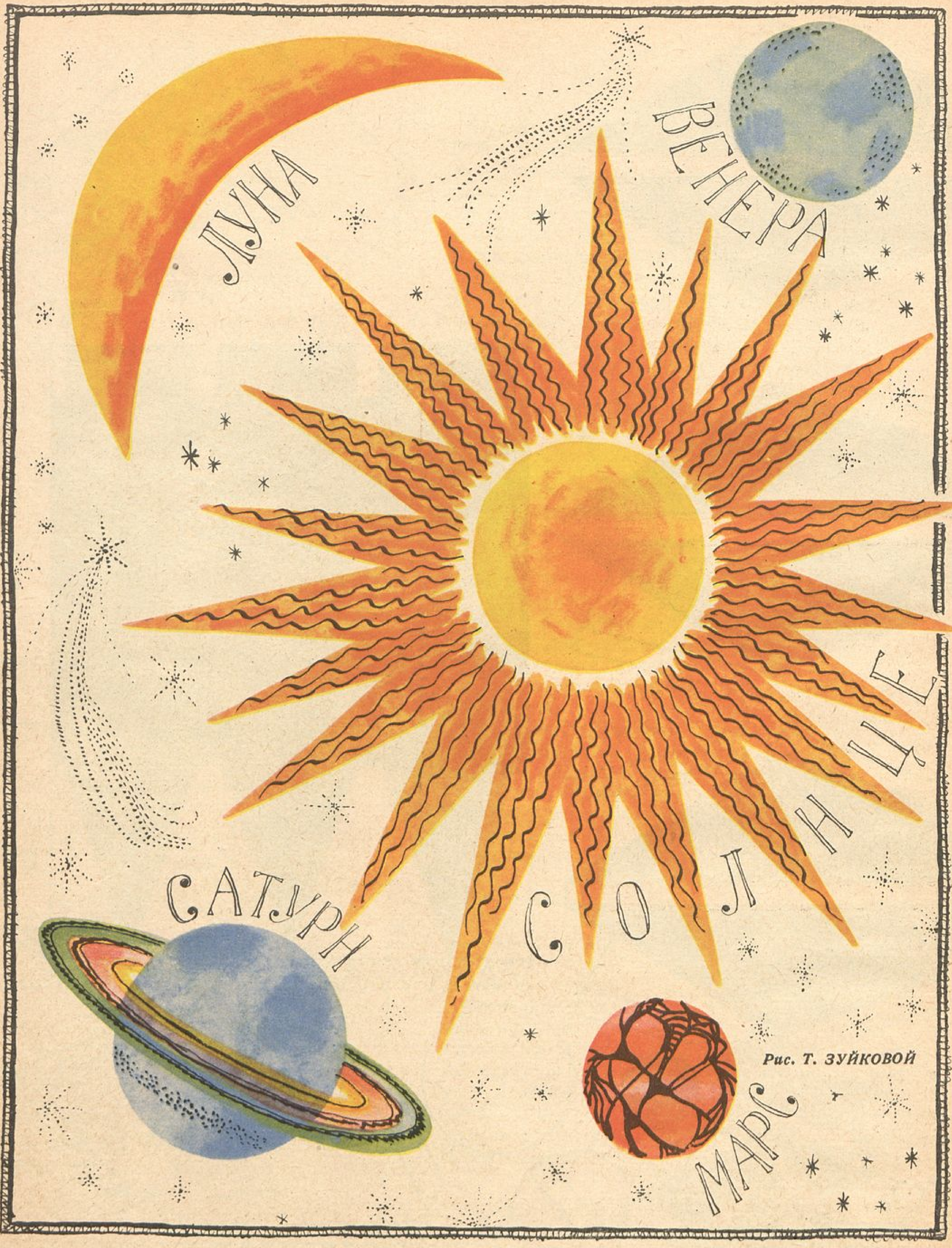


Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

ПЕСНЯ О ВЕРНЫХ ДРУЗЬЯХ

А. СОКОЛОВСКИЙ

Рис. А. ИТКИНА

Генка заболел перед самым праздником.

Печально лежал он, укутанный тёплым одеялом и поверх одеяла ещё маминым толстым шерстяным платком. С грустью думал Генка, что вот в воскресенье, в три часа, соберутся в классе ребята, и пойдёт у них веселье. А он так и будет лежать дома. Напрасно, значит, учил он хорошую песню про верных друзей — ту, что в кинокартине пел весёлый черноглазый Гек и которую сам он должен был спеть на празднике...

Поедешь на север, поедешь на юг —
Везде тебя встретит товарищ и друг...

От огорчения Генка покорно глотал пилюли, которые прописал ему доктор из больницы. Он пил горячее молоко, ужасно противное оттого, что бабушка намешивала в стакан по две ложки масла и мёда. И вдруг выздоровел. Снова пришёл доктор и сказал, что в воскресенье можно будет на улицу выходить.

Очень Генка обрадовался. Задумал он в воскресенье в класс прийти неожиданно, ровно в три часа. Вот ребята удивятся!

Когда наступило, наконец, воскресенье, Генка с утра стал нетерпеливо посматривать на часы. А стрелки ползли медленно, ну, прямо как улитки.

Чтобы время бежало быстрее, Генка решил до двух часов с горы на лыжах покататься. Но ведь ему хотелось прийти на праздник неожиданно и всех в классе удивить. Поэтому он пошёл далеко за посёлок, к речке, к высокому откосу, где никто его встретить не мог.

Катается Генка с горки, ветер в ушах свистит. И так весело посвистывает, что петь хочется. Генка и запел:

Поедешь на север, поедешь на юг —
Везде тебя встретит товарищ и друг...

Вниз катится — поёт, а вверх, на горку взбирается — только пыхтит. Очень уж горка крутая.

Сто раз, не меньше, Генка с горки прокатился и столько же раз опять на горку влез. «Ну, — думает, — съеду-ка последний разок — и домой». Оттолкнулся палками и помчался вниз. И вдруг подвернулась у него лыжа и упал Генка носом в сугроб.

Конечно, это была небольшая беда. Снег не железо, и нос он себе не расквасил. Но едва попробовал Генка встать, по правой ноге его будто бы кто-то палкой ударил. Даже закричал он от боли.

Лежит Генка на снегу, и по щекам слёзы катятся. Не от боли он плачет — когда лежишь, нога не болит, — а от обиды. Только от одной хвори избавился, а тут другая. Конечно, песни петь можно и с больной ногой — не плясать ведь. Но как же он теперь до посёлка доберётся?..

И стало Генке так досадно, что у него даже в глазах потемнело. Испугался он и пошире глаза раскрыл. А когда раскрыл, то увидел, что это не в глазах у него потемнело, а стоят вокруг солдаты-лыж-

ники, за спинами — винтовки, через плечи — скатанные шинели, на шапках — красные звёздочки.

— Ты, малец, что плачешь? — спросил один, видно командир, с двумя золотыми полосками на погонах. — Не ушибся ли?

Смотрит Генка на солдат, удивляется, откуда они тут взялись. А командир нахмурился и говорит:

— Неладное дело. Парень, видно, ногу повредил. Вон и лыжа в стороне валяется. Надо его в часть доставить. Ну-ка, Ермиленко, сделайте с Петровым носилки.

Быстро сняли с себя два солдата гимнастёрки и положили их на снег — нижним краем одну к другой, рукавами в разные стороны. Сквозь гимнастёрки, в рукава, с одного бока и с другого продели они свои винтовки со штыками. Потом раскатали шинели и надели их поверх рубашек. Ремнями подпоясались и за ремни полы шинелей заткнули, чтобы на лыжах удобнее идти.

Осторожно подняли солдаты Генку, на носилки положили.

— Вперёд, марш! — приказал командир, и двинулся отряд через поле к дальнему перелеску.

Лежит на носилках Генка, локтем в винтовочный затвор упирается. И кажется ему, что он вовсе не Генка, не ученик второго класса, а раненный в бою солдат. Что несут его верные друзья-солдаты к самому генералу и что скажет ему генерал: «Молодец, солдат, отличился в бою, перед врагами не дрогнул!..» И ещё жалко ему, что никто из ребят его сейчас не видит. Уж если не в бою, то в классе по такому случаю он непременно был бы героем.

Солдаты пронесли Генку мимо полосатой будки, где стоял часовой с винтовкой. За будкой увидел он длинные низкие строения, а чуть в стороне — большой навес, под которым стояли пушки, накрытые серыми чехлами.

На носилках Генку внесли в дверь и понесли по длинному коридору. По одну сторону коридора висели на вешалках солдатские шинели, а по другую стояли в ряд винтовки, много винтовок, наверно тысяча штук. А когда винтовки и шинели кончились, Генка увидел дверь, на которой было написано «Санчасть».

Санчасть — это солдатская больница. Генка сразу догадался. Потому что за дверью было всё, как в больнице, — белые

шкафчики с лекарствами, клеёнчатая койка и доктор в белом халате. Только это был военный доктор: из-под халата выглядывал зелёный ворот гимнастёрки.

— Что болит? — спросил этот доктор.

Подрыгал Генка ногой, хотел было сказать, что нога у него болит, а боли нет. Прошла нога. И пожалел Генка, что она не болит. Хоть бы чуточку ещё поболела. Но врать он не стал. Ведь его несли настоящие солдаты на носилках из настоящих гимнастёрок и боевых винтовок. Они несли его, как бойца, раненного на войне. А бойцы никогда не врут, в этом Генка был уверен.

— Ничего не болит, — сказал он и тут же испугался: вдруг военный доктор, и командир с полосками на погонах, и Ермиленко, и Петров начнут его ругать? Поэтому он принялся торопливо уверять их, что нога сильно болела. И ещё он сказал, что в школе у них сегодня праздник, октябрятский праздник, на который он уже не попадёт. Но всё равно. Песню, хорошую песню о верных друзьях, он может спеть им прямо здесь, в санчасти. Даже без всякой музыки. Не зря же он эту песню учил!..

И доктор, и командир, и Ермиленко с Петровым не рассердились на него.

— А у нас ведь тоже сегодня праздник, наш, солдатский, праздник, — сказал командир. — Зачем же в санчасти петь? Здесь место тихое. Пойдём в ленинскую комнату, там и споёшь.

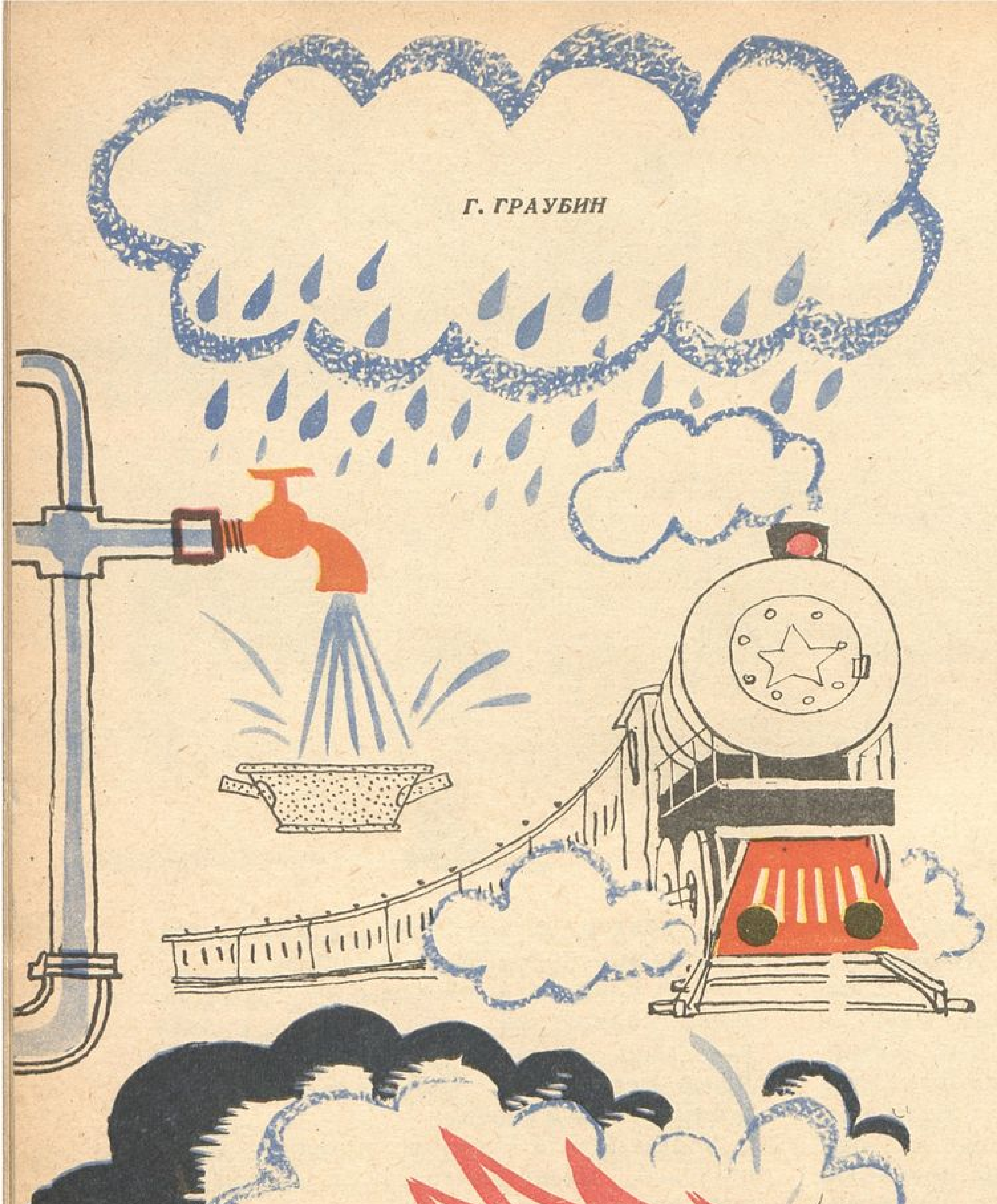
И они повели Генку по коридору, мимо шинелей, мимо винтовок, в ленинскую комнату.

В ленинской комнате собралось очень много солдат. Они шутили, и смеялись, и громко разговаривали. А потом начался концерт. И Генка спел песню, хорошую песню про верных друзей:

Поедешь на север, поедешь на юг —
Везде тебя встретит товарищ и друг...
Будь честным и смелым в работе своей,
И всюду ты встретишь друзей...

Наверно, пел он не так хорошо, как весёлый черноглазый Гек. Но хлопали ему громко, от всего сердца. Потому что он пел тоже от всего сердца. И ещё потому, что в песне говорилось о верных друзьях, а на свете нет дружбы крепче и верней, чем солдатская дружба.

Г. ГРАУБИН

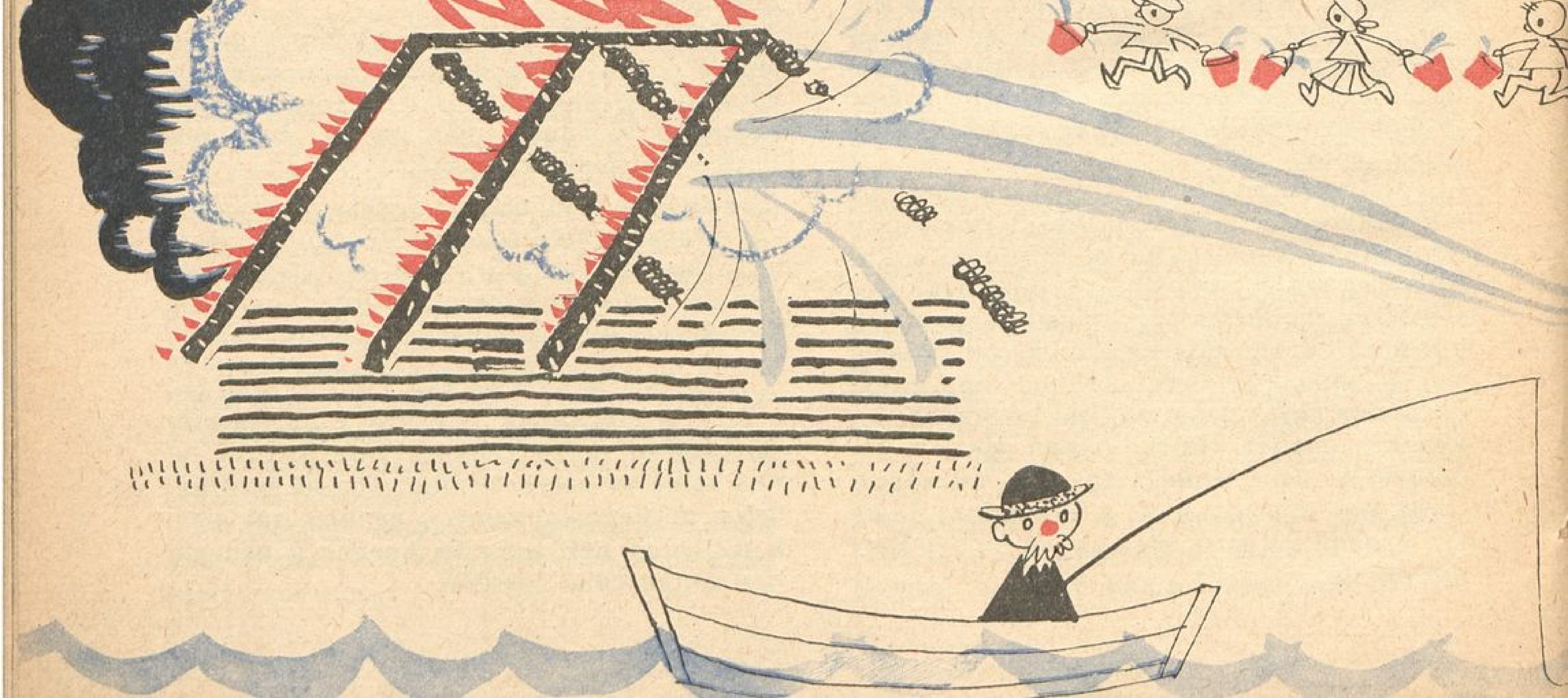


СНЕЖ

Засыпав тропы и тропинки,
Стирая свежие следы,
На землю тихие снежинки
Ложатся блёстками слюды.

Они хрупки и музыкальны:
Когда на них ни наступи,
Скрипят то нежно,
То печально,
Как коростель в ночной степи.

Но эти самые тихони
Вчера плескались в Волго-Доне,
Врывались в шлюзы и плотины

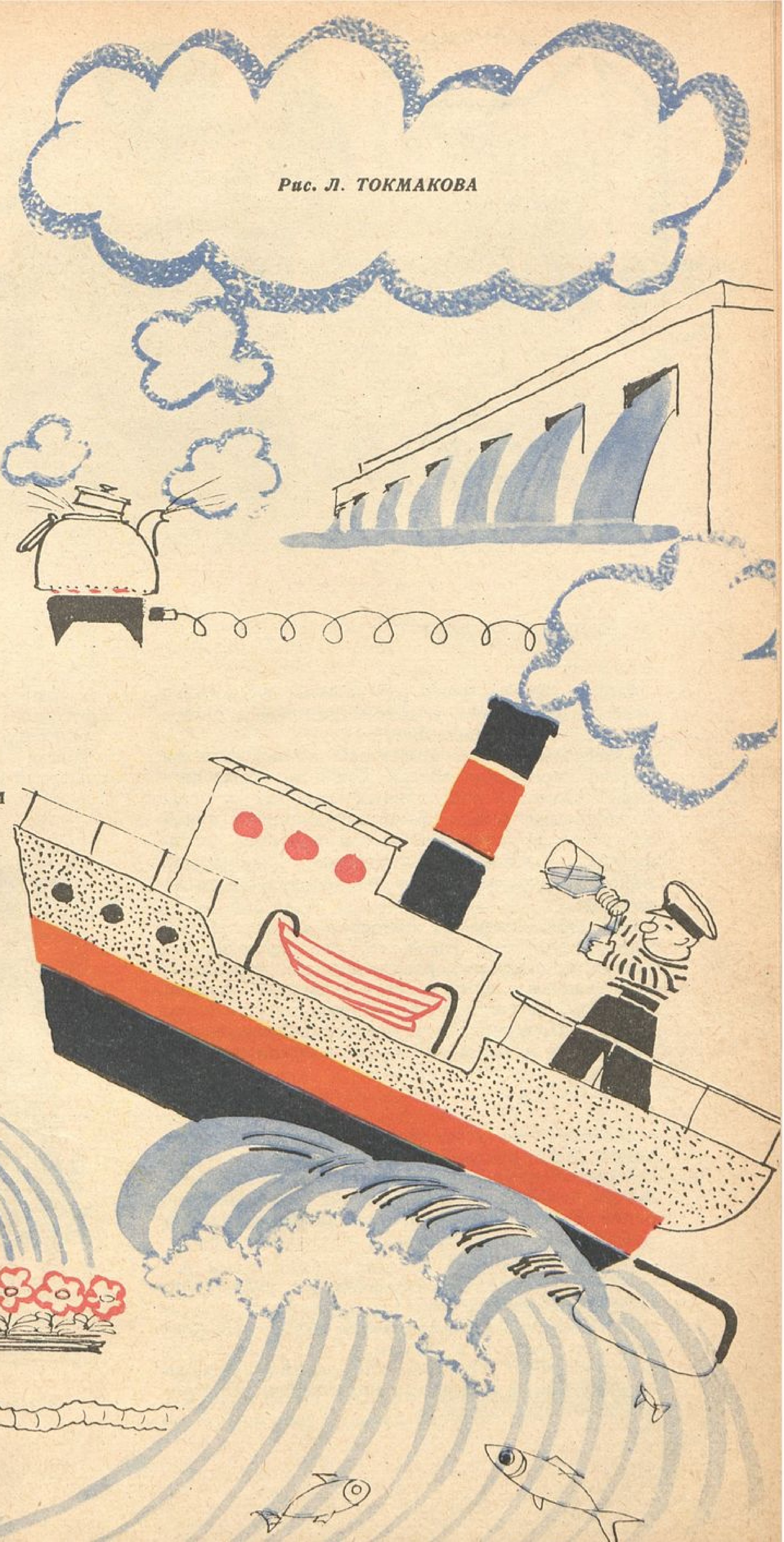


И низвергались с высоты,
Поили влагою пустыни,
Тащили баржи и плоты;

Вступали смело в бой с пожаром,
По трубам мчались в города,
Шипя, в котлах взметались паром
И жизнь вдыхали в поезда!..

Кругом бело.
Снежинки дремлют.
Им скоро снова в дальний путь.
Они садятся к нам на землю,
Чтоб хоть немного отдохнуть.

Рис. Л. ТОКМАКОВА



У САМОЙ ГРАНИЦЫ

Е. ЕРШОВА, К. ОРЛОВА

Фото Э. МИЧНИКА

Всё, о чём мы здесь расскажем, происходило летом в Молдавии, у самой границы, в лагере юных друзей пограничников.

Лагерь этот был особенный, не похожий на другие пионерские лагеря. Туда приехали пионеры только из пограничных городов и сёл. А вожатыми у них были пограничники одной из застав. И начальник лагеря был тоже пограничник — Александр Алексеевич Никольский, майор в отставке, много лет прослуживший на границе.

Ребятам интересно жилось в лагере. Вожатые-пограничники учили их, как распознавать следы, проводили соревнования по следопытству, ходили с ними в дозор и изучали оружие: винтовку, автомат, — проводили занятия с собакой. Учили ребят быть наблюдательными, зорко следить за всем, что происходит на границе.

ПОИСК НАРУШИТЕЛЯ

Было раннее утро. Все ребята ещё крепко спали. Вдруг раздался сигнал тревоги.

Отряд быстро построился во дворе. Там уже ждали вожатые: Павел Ищенко, Валентин Королёв, Виктор Казацкий, Евгений Мелехов. Был здесь и начальник лагеря.

Что же случилось?

Ребят никогда ещё так рано не поднимали. И взрослые озабочены.

К строю подошёл начальник лагеря. Он сказал:

— Нарушена граница. Мы должны помочь пограничникам задержать нарушителя. Построиться по отделениям!

Первому отделению патрулировать перекрёсток!

Второму — осмотреть опушку леса!

Третье и четвёртое поведёт пограничник с собакой Пальмой.

Двор мгновенно опустел. Когда Пальме показали следы нарушителя, она быстро побежала в сторону балки, туда, где виднелись кусты. Ребята еле успевали за ней.

Вот и кусты. Но в них никого не оказалось. В это время дозорные сообщили, что на бугре показался человек. Он перебегает от одной копны сена к другой. Это он, нарушитель!

Теперь только не потерять его из виду! Быстрее к копнам! Добежали до бугра, переворошили все копны, но неизвестного не нашли.

Вдруг Пальма с громким лаем бросилась к дереву. Ребята за ней.

— Стойте! Ни с места! Буду стрелять! — закричал с дерева неизвестный.

Ребята на какое-то мгновение растерялись. Но в это время на помощь подоспели первое и второе отделения вместе с начальником лагеря.

— Молодцы, ребята, — сказал Александр Алексеевич, — справились с задачей. Вася, слезай с дерева, ты хорошо сыграл роль нарушителя!

Да, это была игра! К ней ребята давно готовились, но только не знали, что всё будет так неожиданно.

Пионеры — братья Кобзаки Костя, Витя, Вася и Лихачёв Витя — шли к своему товарищу. С дороги они увидели: в кукурузном поле прячется незнакомый человек. Он показался им подозрительным. Один сразу побежал на заставу, а трое стали наблюдать за неизвестным.

Вскоре прибыли пограничники и задержали нарушителя границы.

На нашей фотографии рядовой Виктор Казацкий. Он и в жизни такой же весельчак. И если не занят по службе, всегда с баяном. Ребята из отряда говорят:

— Наш Казацкий все на свете песни знает, все танцы играть умеет.

И за месяц, пока были пионеры в лагере, они многому научились от своего вожатого.

КАК ВИТЯ ДЕЖУРИЛ

Конечно, купаться лучше, чем чистить картошку или мыть кастрюли. Это все знают. Но без картошки и кастрюль не проживёшь, кому-то надо и чистить и мыть. В лагере это делают по очереди. Пришло время дежурить Вите Колыбняку на кухне. А он взял да и убежал купаться. Не хватает дежурных, не успевают они. Тогда вожатый-пограничник Евгений Мелехов пошёл на кухню вместо Вити; стал резать капусту, чистить картошку, разносить тарелки. Все ребята удивлялись. После обеда окружили вожатого, стали ругать Витю.

— Да, — сказал вожатый, — настоящий пограничник так не поступит. Вот и пришлось мне заменить Витю. У нас на заставе правило: «один за всех, все за одного». Не позорить же наше отделение перед лагерем.

Ребята притихли. Все смотрели на Витю.

А Витя стоял и молчал. Ему хотелось громко сказать, что он поступил очень плохо, что никогда больше другие не будут за него работать. Но сказать он ничего не мог. Может быть, из-за упрямства, а может, и потому, что ему было очень стыдно.

Второй отряд ещё три раза дежурил по кухне. Лучше всех работал Витя.

ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛИ О СВОЕЙ ЖИЗНИ В ЛАГЕРЕ ЮНЫХ ДРУЗЕЙ ПОГРАНИЧНИКОВ САМИ РЕБЯТА

НЕУМИРАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Вечерами, сидя у костра, мы часто говорили о героях: о Суворове, Чапаеве, Котовском. Один мальчик спросил:

— А кто сейчас герой!

И все сразу ему ответили:

— Сейчас главный герой Фидель Кастро.

Наши ребята очень любят Фиделя Кастро и кубинцев.

И ещё все знают героя Африки Лумумбу и греческого патриота Манолиса Глезоса.

Всем нам хочется, чтобы и кубинцы, и африканцы, и греки, и вообще все народы жили так же хорошо, как мы, и ещё, чтобы они знали, как мы к ним относимся. Поэтому, когда стало известно, что по Молдавии пройдёт поезд с арабами, делегатами фестиваля молодёжи, мы решили сделать им подарок — послать цветы. У нас в Молдавии растут красивые цветы бессмертники. Их жёсткие яркие лепестки никогда не увядают. Мальчики нарвали много цветов, а девочки сплели из них гирлянды. Гирляндами украсили поезд. Пусть знают молодые арабы, что мы их любим и желаем им счастья.

Марина Сербушко

В ДОЗОРЕ

Мы поужинали и стали собираться в дозор. Я и Гица Быркэ. С нами был пограничник Александр Мусин. Мы взяли автомат, фонари и бинокль. Мы шли по тропинке вдоль вспаханной полосы земли, на которой никогда не сеют, и потихоньку спрашивали Сашу: «А кто здесь прошёл!», «А это чьи следы!» Ведь на мягкой земле всё было хорошо видно. Саша нам объяснял.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать мелкий дождь. Но мы всё равно всё шли и шли, а иногда осматривались и прислушивались: нет ли рядом чужого.

Было интересно и немного страшно. Ведь мы были на самой границе. Мы охраняли всю страну. Но в наше дежурство ничего не случилось. Границу никто не нарушил.

Коля Ковалёв

ШАХ И АХМЕД

Сказка

Ефим ЧЕПОВЕЦКИЙ

Однажды старый важный шах
Вошёл в дворцовый зал
И с грустью искренней в глазах
Придворным так сказал:

— Мы, мудрый шах Махмуд-
палван,
О том скорбим душой,
Что пухнет наша голова
От мудрости большой!

Кто глупой шуткой облегчит
Страданье мудреца,
Тому дадим в награду чин
Придворного глупца!

— О шах, я разумом пигмей, —
Сказал слуга Ахмед. —
Известно, мудрости твоей
На свете равной нет.

Коль не рискую нынче я
Пустою головой,

Рис. А. КАНЕВСКОГО

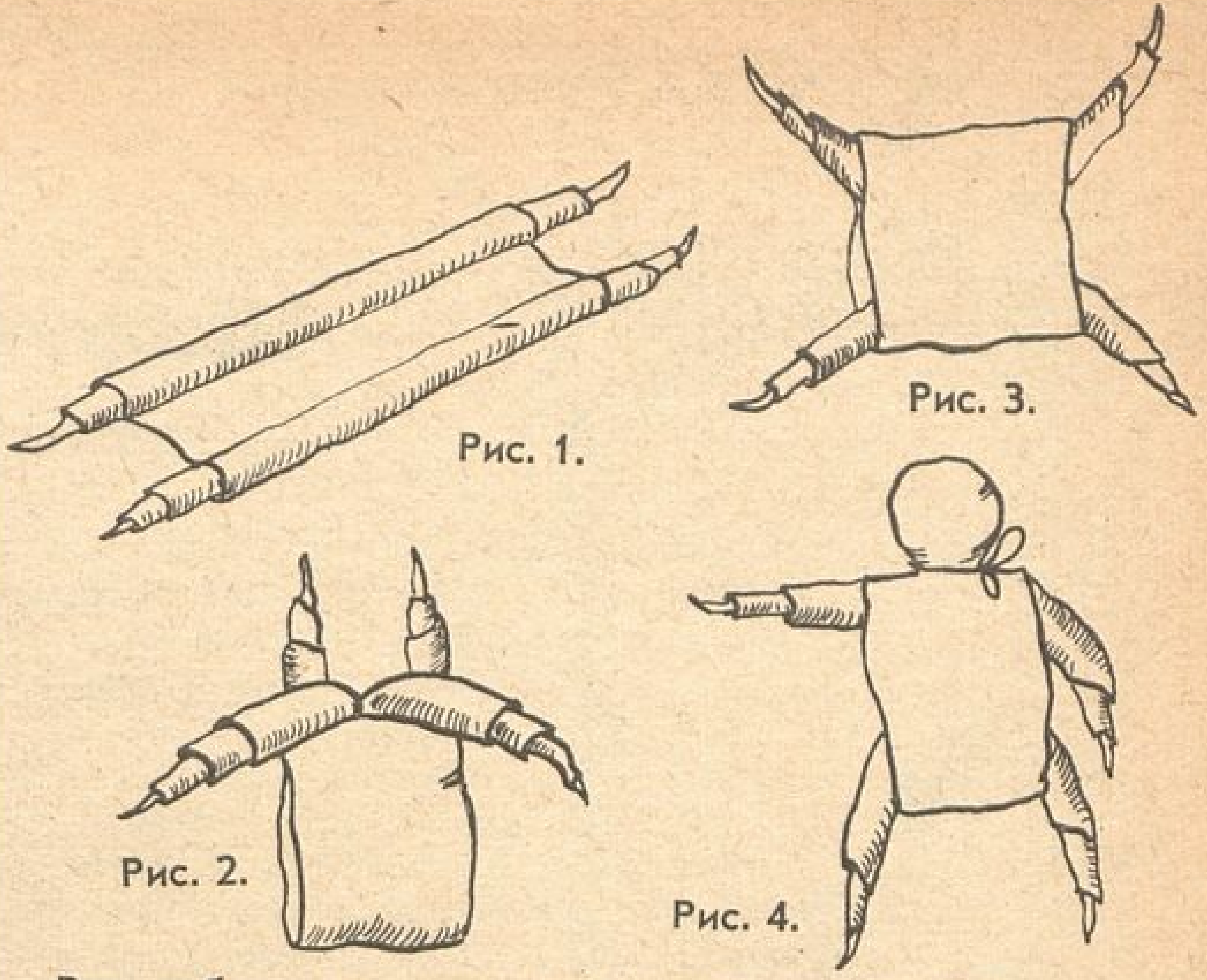
То отгадай, что у меня
В кармане под полой?

И если сможешь отгадать,
Что **ГРУШИ** там лежат,
То половину их отдать
Тебе я буду рад.

На рынке не найти таких,
Плоды — янтарь живой,
А отгадаешь, сколько их,
То весь **ДЕСЯТОК** твой!..

И мудрый шах склонил чело,
И долго ждал народ,
Пока сказал он:
                    — Их число
Мой казначей сочтёт.

Но ты скажи мне сам, Ахмед,
Слуга покорный мой,
Что за таинственный предмет
Ты прячешь под полой?



Вот забавная куколка из носового платка. Сделайте её вместе с подругой.

Сверните платок в две трубочки, как на рисунке 1. Пусть подруга держит два кончика платка, а ты сложи платок в виде муфты (рис. 2) и просунь через эту муфту крест-накрест другие кончики платка (рис. 3).

Теперь сделай головку (рис. 4).

Г. ГЕНОВ

Рис. В. КАНЕВСКОГО

На лыжне, по которой собирается ехать Мурзилка, стоят флажки. Если поедешь вместе с ним — прочтёшь, что написано на флажках.

Рис. В. СТАЦИНСКОГО

46294

Шестеро

ШУТКА

У отца было шестеро сыновей. Вот им отец и говорит:

— Пойдите в город, купите, что кому понравится.

Пошли братья в город. Стали покупать. Пятеро купили ружья без стволов, а у шестого в ружье дула не оказалось. Повесили ружья на плечи — и домой.

Вдруг откуда ни возьмись бегут им навстречу шесть зайцев. Увидев братьев, пять зайцев помчались прочь, а шестой пустился наутёк.

Братья вскинули ружья. Пятеро закрыли глаза, а шестой зажмурился. Выстрелили. Пятеро промахнулись, а шестой не попал.

Тогда братья бросились догонять зайцев. Пятерых схватили, а шестого поймали.

Вот так удача!

Решили зайцев в напёрстке варить. Пять зайцев в напёрстке не помещаются, а шестой не влезает. Пошли к соседям за кастрюлями.

Пятеро соседей были скупые, а шестой жадный. Дали соседи пять кастрюль дырявых, а одну без дна.

Поставили братья зайцев варить. Под пятью кастрюлями огонь забыли развести, а под шестой и не разжигали.

Варятся зайцы, а как сварятся, тогда и дальше можно рассказывать.

Перевод с итальянского

На обложке рисунок
П. КАРАЧЕНЦОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв**

Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать восьмой. Цена 10 коп.
Подп. к печати 13/XI 1962 г. Бумага 60×90 1/8.
Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз.
Заказ 2065.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»:
Москва, А-30, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.